

Памяти Сергея Ивановича Устича (1955–2020)

7-го февраля этого года ушел из жизни доктор социологических наук, профессор, первый и единственный на Закарпатье доктор социологических наук, заведующий кафедрой международных студий и общественных коммуникаций Ужгородского национального университета С.И. Устич. Он много сделал для Украины как государственный деятель: с 1995-го по 1999-й был главой Закарпатской областной государственной администрации, а в течение 1999–2005 годов — Чрезвычайным и полномочным послом Украины в Чехии и Словакии.

Вклад профессора Устича в современную социологическую науку неоценим. Его научные статьи напечатаны во многих странах. В 2015 году в Германии была издана на английском языке его книга, посвященная системной теории современных границ и трансграничных процессов. Имя ученого связано и с научными достижениями Института социологии НАН Украины. Он плодотворно сотрудничал с научными отделами института, в частности с сотрудниками отдела методологии и методов социологии. Подготовил фундаментальную докторскую диссертацию, которую блестяще защитил в нашем институте.

Представляем читателю один из последних текстов С.И. Устича как дань его светлой памяти.

DOI 10.15407/sociology2020.02.102

УДК 316.4

СЕРГЕЙ УСТИЧ (1955–2020),

доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой международных студий и общественных коммуникаций Ужгородского национального университета (88000, Ужгород, ул. Университетская, 14)

SERHII USTYCH (1955–2020),

Doctor of Sciences in Sociology, Professor, Head of the Department of International Studies and Public Communications, Uzhhorod National University (14, Universitetska Street, Uzhhorod, 88000)

Неаддитивное общество: системологическая парадигма

Вступление

Современному обществу присуща невиданная ранее противоречивость. Она отличается как формами проявления — всеохватностью и остротой, так

Цитирование: Устич, С. (2020). Неаддитивное общество: системологическая парадигма. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 2, 102–122.

и деструктивными социальными последствиями, к которым может привести.

На мой взгляд, указанное явление сегодня, к сожалению, не находит в социальной теории достаточно адекватного отражения. Это мешает поиску правильных ответов на вызовы современности, эффективному социальному управлению, прогнозированию возможных сценариев будущего.

В чем это проявляется?

Прежде всего в том, *что неполным и неконкретным является социальное знание о качественных особенностях современного общества и его противоречиях*. Это знание основывается на традиционных подходах к анализу и градации (типологии, классификации) общества, предполагающих выделение его отдельных параметров (цивилизационного, формационного, производственного и т. п.) как определяющих факторов развития. При этом указанные параметры касаются в основном того или иного сегмента социальной действительности. Так возникло, скажем, понятие “информационное общество”, отражающее, главным образом, приоритетную форму современного производства.

Между тем, внимание должно быть сфокусировано на выяснении *системообразующего свойства современного общества* — свойства, которое в наибольшей мере определяет качественные особенности и социальной целостности, и ее компонентов. Знание об этом свойстве крайне важно как для понимания природы современных социальных процессов, так и для эффективного управления ими.

Еще одна ограниченность существующих трактовок общественного развития заключается в том, что анализ структуры современного общества часто осуществляется без достаточной связи, а то и в отрыве от субстратных признаков и сознания субъектов. Пожалуй, ярче всего это проявляется в концепции структурного функционализма и ее разновидностях, а сегодня — в идеях антисубстанционализма. Такой подход ведет к абсолютизации структурного или функционального начала социальной системы, неполноте понимания их генетических связей с субъектной первоосновой, а значит, невозможности выявления объективного механизма функционирования и развития. Кроме того, это делает теоретические конструкции, отражающие общественные явления, слишком абстрактными или даже схоластическими.

Важной проблемой современных социальных парадигм является и то, что *они недостаточно корреспондируют со временем и пространством как формами существования общества*. Эта проблема встала в полный рост в последние десятилетия, когда в результате научно-технологического прорыва средства преодоления пространства и времени получили бурное развитие. Поэтому без установления места пространственных и временных факторов в архитектонике современного общества, без объяснения явления ускоренного пространственного развития, феномена социального времени теоретическая мысль не может быть продуктивной.

Наконец, недостаточность толкований природы современного общества связана с *низким уровнем их аппликативности*. Любое социальное знание имеет смысл, если в конечном результате ориентировано на практическое применение. Разумеется, речь идет не о вульгарном понимании практической функции теоретического знания, не о требовании получения таких

результатов его социальной имплементации, всегда поддающихся измерению (скажем, в единицах веса или в дензнаках).

На мой взгляд, восполнить указанные бреши в теоретической рефлексии современного общества позволяет социальная *системология* — наука, которая хотя и требует еще должного конституирования, однако уже сегодня имеет значительный познавательный потенциал.

Целью статьи является системологический анализ сущности современного общества, в частности неаддитивного свойства как главного фактора его крайне противоречивого развития.

Основная часть

Путаница и противоречия, характерные для широкого спектра современных социологических теорий, заставляют прийти к неоспоримому выводу: социальные явления нужно рассматривать как “системы”, как подчеркивал основатель современной науки о системах Л. фон Берталанфи [Берталанфи, 1969: с. 8].

Как известно, становление системных разработок и системной методологии как нового направления исследовательской деятельности характерно для развития науки второй половины XX века. Главной задачей системных исследований принято считать, с одной стороны, анализ и конструирование систем разного типа, а с другой — управление системами. Все чаще подчеркивается также важность “искусства системного мышления” [O’Connor, McDermott, 1997]. Понятия “система”, “системный подход”, “системный анализ” стали синонимами новых подходов в исследовании социальной действительности.

Однако нельзя не заметить, что апеллирование к системности (уместное и не совсем) со временем стало превращаться в своеобразную исследовательскую моду. Довольно распространенными являются формулировки-клише наподобие “объект исследования является сложной системой” без попытки анализа того, в чем же конкретно заключается эта системность. В дискуссиях о системной методологии нередко высказывается больше общих суждений (с безупречным жонглированием терминами), нежели предметных инновационных идей. Кроме того, неготовность объяснить радикальные изменения самой “предметной реальности” социальной науки [Иванова, 2015: с. 3–4], прежде всего усиления системного свойства общества, приводит некоторых авторов к утверждениям о “кризисе классической рациональности”.

Очевидно, именно этими обстоятельствами в значительной мере объясняются эвристическая малопродуктивность и определенное угасание системных разработок в последние десятилетия.

Между тем, системное видение социальных объектов, если оно корректно, позволяет достаточно глубоко, полно и конкретно отразить сущность и архитектуру социального организма, раскрыть механизм его функционирования и развития, построить статическую и динамическую модели современного общества, эффективно прогнозировать варианты будущего развития. Именно такое видение обеспечивает социально-системологическая парадигма.

Понятие “системология” (от гр. Σύστημα, λόγος), в значительной мере опирающееся на онтологический холизм, возникло во второй половине XX

века [Рочвгеау, 2014] как синоним понятий “системная наука”, “теория систем”. Что же касается понятия “социальная системология”, то оно, хоть и нечасто, используется в научном обороте для обозначения общей теории социальных систем [Резник, 2003], то есть совокупности разнообразных системных взглядов на общество.

Такое понимание категории хоть и важно, однако, на мой взгляд, недостаточно, поскольку дефиниция передает предметное содержание социальной системологии в слишком общей форме. Понятие не имеет достаточной смысловой нагрузки, поскольку не отражает явления системности. Также в нем отсутствует информация о функциональном назначении парадигмы. Поэтому актуализируется необходимость предложить собственное его определение. В соответствии с этим определением, *социальная системология означает междисциплинарную отрасль знаний о системном (неаддитивном) качестве общества, функционировании и развитии во времени и пространстве социальных объектов как систем.*

Если общая системология является рамочной теорией, то социальная системология имеет вполне конкретное методологическое содержание. По моему мнению, основными положениями системологической парадигмы являются следующие методологические принципы: принцип неаддитивности; принцип единства общественных субъектов, деятельности, отношений; принцип социального обусловливания; функционально-генетический принцип; принцип социального моделирования. Эти принципы тесно взаимосвязаны, дополняют, “усиливают” друг друга.

Принцип неаддитивности предполагает идентификацию неаддитивного свойства как общего, системообразующего начала общества.

Как известно, под *неаддитивностью* понимается *качественное состояние целостности, которое нельзя рассматривать как простую сумму элементов*. То есть $2 + 2$ в этом случае не равняется 4. Причем различают две формы неаддитивности: супераддитивность и субаддитивность. В первом случае речь идет о наращении потенциала целостности ($2 + 2 = \text{больше } 4$), во втором — о его потере ($2 + 2 = \text{меньше } 4$).

Наряду со сложными, неаддитивными свойствами объектов существуют простые, аддитивные. Аддитивные признаки выражает формула “целостность равна сумме ее частей” ($2 + 2 = 4$).

Наличие неаддитивных свойств обусловлено структурными связями и взаимозависимостями между частями, организацией целостности. Поэтому последняя, если она обладает неаддитивным качеством, не может объясняться только на основе знаний о ее частях.

Понятие “неаддитивный” идентично широко употребляемым понятиям “системный”, “синергичный”, “эмерджентный”. Не прибегая к их сравнительному анализу, отмечу, что хотя они в зависимости от научного направления, которое представляют, различаются между собой, тем не менее, по сути, выражают одно и то же социальное содержание.

Использование автором термина “неаддитивный” связано с тем, что этот термин семантически наиболее точно передает нелинейность (“несуммативность”) явления социального объединения, кооперации — причем как в аспекте усиления свойств социального объекта, так и в аспекте их ослабления.

Открытие феномена неаддитивного качества (системного эффекта, синергического эффекта) природы и общества следует отнести к *наиболее значимым открытиям человечества*.

Аддитивные свойства общества обусловлены прежде всего природными, материальными факторами, а неаддитивные — духовными факторами и целенаправленной деятельностью человека.

В социальной системе нужно различать природную (субстратную) и собственно социальную неаддитивность.

Разумеется, как и каждое социальное свойство, системный, неаддитивный признак гипотетически может и должен быть измерен — и количественно, и качественно. Есть социальные явления, неаддитивность которых поддается несложной оценке. Это, например, эффективность производства, которая зависит от способа организации последнего. Однако имеющегося ныне инструментария измерений недостаточно для того, чтобы сделать это в каждом конкретном случае.

Поэтому современная неаддитивность является в значительной мере “ощутимо-неощутимой реальностью”. Иногда может даже казаться, что она содержит налет мистичности. Однако она всегда существует, является действительной.

Неаддитивное свойство является *наиболее сложной и наиболее развитой формой социального, его квинтэссенцией*. Это объясняется тем, что оно выполняет в отношении социальной действительности *системообразующую функцию*. Системообразующее, неаддитивное свойство общества — это свойство, которое создает из простой социальной целостности как суммы компонентов сложную, несуммативную целостность.

В связи с усилением познавательной и преобразующей активности субъектов происходит изменение соотношения материального (объективного) и духовного (субъективного) в пользу последнего. Это изменение, в свою очередь, коррелирует с уровнем развития неаддитивного качества (усложнением) социальной системы — рост одного обуславливает усиление другого. Следовательно, с точки зрения исторического процесса системные, неаддитивные свойства неуклонно увеличивают свою долю в совокупности социальных признаков.

Но речь не только и не столько о количественном изменении этой пропорции. Несмотря на то, что неаддитивные свойства в жизни общества не всегда преобладали, они, как отмечалось, все равно *играли определяющую социальную роль* [Tainter, 1988]. Эта их роль обусловлена действием *всеобщего закона развития общества — закона возрастания неаддитивного (системного) качества*. Безусловно, действие этого закона имеет формационное и конкретно-историческое измерения, то есть в его реализации возможны временные “откаты” и “сбой”.

Будучи всеобщим, закон возрастания неаддитивного (системного) качества действует как в отношении социальной целостности, так и в отношении всех компонентов общества. Поэтому степень развития неаддитивного качества может, по мнению автора, служить *универсальным индикатором уровня социального развития*, а значит, и *общим критерием градации (типологии, классификации) общества*.

Конкретизировать общий критерий развития социальной действительности, в первом приближении, могли бы следующие показатели:

- уровень осознания субъектами интегральности социальной действительности;
- уровень мотивации к осуществлению ими социальной деятельности, объективно необходимой для неаддитивного развития общества;
- степень развития средств преодоления пространства и времени и информационно-коммуникационных возможностей субъектов;
- мера интегральности общественных отношений.

Если исторический процесс рассматривать с такой точки зрения, то его главными вехами являются:

- протосистемное общество (охотничье и собирательское);
- низко- и среднесистемное общество (простое и сложное сельскохозяйственное);
- общество системной зрелости (индустриальное);
- высокосистемное, неаддитивное общество (постиндустриальное, информационное).

(Очевидно, можно прогнозировать и следующую ступень неаддитивного развития общества — гиперсистемную.)

В чем же заключается суть современного, неаддитивного общества? На мой взгляд, неаддитивное общество — это сложная, большая, открытая, саморегулируемая, неэнтропийная социальная целостность, в которой системные, неаддитивные свойства достигли высокого уровня развития и стали доминирующими.

Термин “социальный” обычно используется для обозначения общественных явлений. В отдельных источниках это единственное его значение (с той разницей, что в англо- и франкоязычных исследованиях термин “социальный” (*social*) не имеет синонимов, а в немецкоязычных, помимо “социальный” (*sozial*), используется еще термин “общественный” (*gesellschaftlich*). В других исследованиях термин “социальный” употребляется в широком и узком значениях. В широком значении его используют для характеристики общественной жизни в целом. В узком значении термин “социальный” в разных языках означает специфическую сферу общественных отношений. Говоря о теории социальной системы, мы понимаем этот термин в широком смысле, когда речь идет об обществе как высшей форме развития материи, а не о разных биосоциальных и даже биологических совокупностях, которые нередко относят к социальным системам.

Сразу следует оговорить, что рамки “социального” в предложенной выше дефиниции отвечают рамкам формационного как наиболее общего типа социальной системности. Иными словами, объектом отражения является общество, взятое в макроизмерении. Это ограничение необходимо ввести для того, чтобы не распространять “претензии” системологического исследования на надформационные системно-социальные образования.

Приведем некоторые объяснения касательно употребления понятия “социальная система”. В широкий научный оборот оно вошло во второй половине XIX века. Но и сегодня это понятие толкуется по-разному. В одних случаях в определении делают акцент на целостности общественных отношений, в других — подчеркивают единство элементных и отношенческих аспектов. Но, представляется, более обоснованным будет подход, согласно которому понятие “социальная система” должно включать — без какой-либо жесткой

формально-содержательной регламентации — все системное разнообразие общества: и элементное, и отношенческое, и деятельностное, и любое другое. Поэтому следует использовать данное понятие для обозначения *любой совокупности взаимодействующих общественных компонентов*.

Универсальность, всеобщность, “гибкость” понятия социальной системы, впрочем, не свидетельствует о его аморфности.

Принцип единства общественных субъектов, деятельности, отношений — следующий важный принцип системологического исследования.

Теоретико-методологическая значимость принципа единства общественных субъектов, деятельности, отношений обусловлена, главным образом, тем, что в нем получает отражение системное содержание социальной действительности. Интегрируя материальные и духовные компоненты общественной жизни, такое единство общественных субъектов, деятельности, отношений является ярко выраженным системным образованием, существующим в двух основных разновидностях. Элементами социальных систем одного рода, содержащих, как правило, полный набор компонентов единства общественных субъектов, деятельности, отношений, выступают носители социального, то есть субъекты социальной деятельности. Элементами социальных систем другого рода можно считать любой из компонентов указанного единства, рассматриваемого как целостность.

Широкое и “гибкое” понятие “социальный компонент” используют для того, чтобы не налагать никаких ограничений на системность социальных явлений. Этим понятием могут обозначаться не только элементные, но и любые другие аспекты социальной действительности (материальные и духовные, структурные и функциональные и т. п.).

Системологический принцип единства общественных субъектов, деятельности, отношений позволяет подойти к решению проблемы основного *компонентного ряда*, тех “кирпичиков”, из которых состоит системное разнообразие неаддитивного общества. Дело в том, что определение основополагающих, “неделимых дальше” в пределах определенного качества компонентов социальной системы проливает свет на многие ее существенные черты. В литературе проблеме основополагающего компонентного ряда уделяется немало внимания. Предлагаются самые разнообразные “наборы” компонентов социальной системы, отличающиеся как по характеру, так и по количеству.

Не разворачивая их анализ, отмечу только, что решать эту проблему в отношении социальной системы следует, исходя из принципа единства общественных субъектов, деятельности, отношений. Именно общественные субъекты, деятельность, отношения составляют ядро анализируемого компонентного ряда. Однако этими тремя звеньями цепь основополагающих компонентов не ограничивается. Они существуют в неразрывной связи, в “сочетании” с некоторыми другими социальными компонентами. Социальная активность субъектов невозможна, с одной стороны, без детерминирующих ее общественных потребностей и интересов, а с другой — без средств социальной деятельности и объекта, на который она направлена. Единство общественных потребностей, интересов, субъектов, деятельности, объектов и средств деятельности, а также отношений и образует *основополагающий компонентный ряд социальной системы*.

Наряду с системологическим принципом единства общественных субъектов, деятельности, отношений крайне важен принцип *социального об-*

условливания. Учение об обусловливании, опосредовании как процессе, в котором воспроизводятся те или те фрагменты объективной действительности, стало для современного ученого действенным орудием социального познания.

Теоретико-методологическое значение принципа социального обусловливания в процессе системного исследования проявляется при анализе горизонтального и вертикального срезов социальной действительности. Анализ обусловливания служит, в частности, для прояснения вопроса о взаимосвязи компонентов единства общественных субъектов, деятельности, отношений в *их горизонтальном измерении*. Принцип социального обусловливания применим также для анализа вертикальной организации социальной системы, которая предполагает уровневое построение общественной жизни.

Функционально-генетический принцип служит выяснению вопроса о функционировании и развитии целостных социальных образований. При исследовании *функционирования* прежде всего обращают внимание на те аспекты системы и, в частности, структуры, которые обеспечивают ей устойчивость и стабильность качеств в относительно изменчивых условиях. При анализе развития, напротив, в первую очередь интерес представляют те черты системы и, в частности, структуры, которые обеспечивают в ней различного рода изменения при одновременном сохранении существенных характеристик.

Сочетание этих двух подходов в исследовании системы получило название функционально(структурно)-генетического анализа социальной системы. Главное его преимущество заключается в том, что он позволяет объяснить историю системы через ее структуру, а также ее структуру — через историю. Таким образом синтезируются “синхронные” и “асинхронные” черты развития социальных систем.

Важнейшей теоретико-познавательной функцией следующего системологического основания — *принципа социального моделирования* — является отражение целостной картины системного разнообразия современного общества в схематичном отражении наиболее общих интегрально-компонентных, интегрально-функциональных и интегрально-динамических качеств последнего.

Сегодня моделирование является эффективным средством познания социальной действительности, неотъемлемой частью системных исследований. “Построение моделей, отражающих свойства объекта исследования и, соответственно, его назначение, — пишут А. Гришин и Н. Никольский, — является одним из принципов системного подхода” [Гришин, Никольский, 1982: с. 124]. В системной модели “обязательно должны быть выделены все основные предпосылки, гипотезы, на которых она основывается; они по мере возможности должны принадлежать к самому элементарному уровню организации модели и носить четкий и однозначный характер” [Гвишиани, Садовский, 1979: с. 25].

Таким требованиям отвечает предлагаемая автором *качественная вербально-графическая модель неаддитивного общества* (в ее статическом и динамическом измерениях).

Горизонтальную структуру *статической модели неаддитивного общества* составляют ее основные компоненты (общественные потребности, интересы, субъекты социальной деятельности, социальная деятельность, объ-

екты и средства социальной деятельности, общественные отношения), вертикальную — типы этих компонентов (техничко-производственные, экономические, политические, духовно-специализированные). Разные сочетания компонентов горизонтальной и вертикальной структур социальной макросистемы образуют большое разнообразие фрагментов социальной действительности.

В архитектонике неаддитивного общества (в его макроизмерении) прежде всего выделяются мезосистемы. Когда говорят о мезосистемных образованиях, то речь идет о социальных подсистемах с максимальным охватом общества по горизонтали (горизонтальные мезосистемы) и по вертикали (вертикальные мезосистемы). Основные социальные мезосистемы представляют собой системное воплощение главных сфер общественной жизни. Последние в литературе рассматриваются как большие, однотипные, взаимосвязанные социальные образования, охватывающие по объему общественный организм.

Следует обратить внимание на те из главных вертикальных общественных сфер, которые “обделены” вниманием исследователей, — *социально-пространственную* и *социально-временную*. Дальше констатации их существования дело, по сути, не продвинулось. Между тем, в условиях радикальных технических и технологических изменений, которые, с одной стороны, беспрецедентно ускорили развитие общества, а с другой — породили невиданные по масштабам процессы интернационализации общественной жизни (в значительной мере благодаря появлению новых способов преодоления пространства), пространственно-временные факторы вышли на первый план развития социальной системы. “... В системно развитой научной теории понятия пространства и времени становятся исходными и определяют социальное знание о закономерностях движущейся материи. Познание социальных процессов без учета пространственных отношений и выяснения их закономерностей нельзя считать завершенным” [Потемкин, Титаренко, 1985: с. 18].

Пространственные и временные характеристики являются важной составляющей содержания, сути социальных компонентов: общественных потребностей, интересов, субъектов деятельности, объектов и средств деятельности, отношений всех типов. Совокупность этих характеристик образует “сквозные” вертикально-целостные срезы социальной системы — *социально-пространственную* и *социально-временную* основные вертикальные мезосистемы.

Рассмотрим сущность пространственно-временных факторов на примере определения социально-пространственной системы общества. В первом приближении социально-пространственную систему можно охарактеризовать как совокупность социально-территориальных субъектов (индивидуальных или общностных), находящихся в определенных социально-пространственных отношениях. Социально-пространственные субъекты в этом случае предстают как элементы системы, а совокупность социально-пространственных отношений — как ее структура.

Также можно предположить наличие основных социально-пространственных подсистем: производственно-территориальной, экономико-территориальной, политико-территориальной и духовно-территориальной, которые, соответственно, формируются на уровне технико-производствен-

ной, экономической, политической и духовно-специализированной систем. Развернутый анализ современных социально-пространственных явлений представлен в предыдущих исследованиях автора [Ustych, 2015].

Законом развития социально-пространственной системы является рост интегрированности ее составных частей в связи с революционными научно-технологическими изменениями в способах преодоления пространства. Вместе с тем, анализируя социальное время, следует отметить, что оно существует в связи с существованием субъектов и их социальной деятельностью. Законом развития социально-временной системы является ускорение развития ее компонентов, нарастание динамических характеристик социального бытия, что приводит к усилению различий между астрономическим и социальным измерениями времени. Пространственные и временные характеристики — это неотъемлемые аспекты системного, неаддитивного качества социальной действительности. При этом законы развития социального пространства и времени являются важными аспектами действия всеобщего закона развития общества — закона повышения его неаддитивного качества.

Что касается социальных микросистем, то они образуют наиболее конкретный и наименее масштабный уровень социальной макросистемы и формируются в пределах горизонтальных и вертикальных мезосистем.

Горизонтальная и вертикальная структуры неаддитивной социальной системы образуют своего рода шкалу социальных координат, посредством которых можно определить социальное месторасположение, а также исходные характеристики любого явления общественной жизни [Устич, 1992]. В этом смысле статическая модель неаддитивного общества имеет определенное, ограниченное сходство с периодической системой химических элементов. Поэтому по функциональной аналогии с периодической системой химических элементов [Scerri, 2011] *вертикальные мезосистемы можно рассматривать как периоды социальной макросистемы, а горизонтальные — как ее группы*. Разумеется, статичность этой модели условная. Это является допущением для того, чтобы лучше отразить сущностные черты неаддитивной макросистемы.

В отличие от познания объектов неорганического мира, анализ социальных компонентов не может ограничиваться одним лишь установлением их условно статических характеристик. Адекватное понимание их природы невозможно без выяснения взаимодействия этих компонентов (как в измерении функционирования, так и в измерении развития).

Источником функционирования и развития социальной системы является непрерывное возникновение и разрешение в ее лоне противоречий.

Считается, что социальная системология обеспечивает должное основание для типологизации социальных противоречий. Осью системологической типологизации является выделение общего, особых и единичных противоречий, или, если исходить из величины социального охвата, макро-, мезо- и микропротиворечий.

Общее противоречие макросоциальной неаддитивной целостности можно определить как противоречие между обусловленными социальными и природными факторами, актуальными потребностями в развитии неаддитивного качества системы и ее компонентов и мерой, степенью реализации этих потребностей.

Через разрешение общего противоречия реализуется всеобщий закон развития неаддитивного общества. Соответствующие противоречия, формирующиеся на уровне каждой из основных сфер общественной жизни (основных мезосистем) — технико-производственные, экономические, политические, духовно-специализированные — следует рассматривать как особые *противоречия неаддитивного общества*. Аналогичные противоречия, характерные для развития конкретных фрагментов общественной жизни (социальных микросистем), следует квалифицировать как *единичные противоречия*. Проявлениями противоречий неаддитивного общества являются образующиеся в нем *конфликты*.

Механизм разрешения социальных противоречий, а значит, и механизм функционирования и развития неаддитивного общества имеет линии горизонтального и вертикального срезов.

Линии горизонтального среза связаны с последовательным обусловливанием компонентов единства общественных субъектов, деятельности, отношений (от потребностей до отношений). В процессе этого обусловливания происходит обмен разными формами социального: веществом, энергией, информацией. Первым (начальным) компонентом в цепочке взаимодействия являются потребности и интересы субъекта. Но в качестве объективных явлений они активируются только тогда, когда отражаются в его сознания. Поэтому именно сознание играет в цепочке обусловливания ключевую роль. Субъективный по своей природе рост количества и качества информации о себе и окружающем мире приводит к возрастанию неаддитивности (усложнения) сознания. Повышение уровня неаддитивности (усложнения) сознания субъектов, в свою очередь, ведет к диверсификации и повышению эффективности, то есть возрастанию неаддитивности (усложнения) их социальной деятельности. Усложнение социальной деятельности проявляется прежде всего в увеличении количества и повышении качества социальных групп и социальных институтов. Результат этого усложнения — повышение эффективности социальной деятельности (количественного выражения неаддитивного качества). Усложнение же социальной деятельности субъектов имеет следствием рост количества и повышение качества, изменение конфигурации их взаимосвязей, прежде всего неаддитивных, то есть усложнение структуры, организации социальной системы.

Функционирование компонентов горизонтального среза социальной действительности, в частности его (функционирования) отдельный цикл, охватывает период от момента, когда общественные потребности “посылают” в цепь обусловливания начальный импульс, до того времени, когда на посланную информацию отреагировал “конечный” компонент единства — общественные отношения.

Развитие неаддитивной целостности представляет собой “наложение” завершенных и незавершенных циклов функционирования, в ходе которого: а) первичная потребность детерминирует работу механизма обусловливания единства общественных субъектов, деятельности, отношений (завершенного цикла функционирования); б) результат действия указанного механизма (социальная равнодействующая) через обратную связь вносит коррективы в содержание первичной потребности; в) скорректированная (вторичная) потребность детерминирует новый цикл ее реализации — и так до полной реализации заложенного в потребности объективно-исторического содержания.

Что касается *линий вертикального среза* механизма функционирования и развития неаддитивного общества, то они разворачиваются от технико-производственного и экономического типов единства общественных субъектов, деятельности, отношений к ее политическому и духовно-специализированному типам. При этом последовательное обусловливание одной системы другой осуществляется через обусловливание потребностей (“вход”) детерминированной системы. Этот же “вход” (что очень важно!) делает возможным обеспечение взаимодействия систем с их природной и социальной средой. “Наложение” завершенных и незавершенных циклов функционирования системы, а также ее непрерывное взаимодействие со средой обусловливают турбулентность и бифуркацию неаддитивной целостности, ее нелинейное развитие — явления, которые сегодня называют *синергетическими*.

Как отмечает В. Симчера, нелинейные связи, отражающие взаимодействие множества случайных причин и следствий, являются индетерминированными. Они изменяются в стохастическом, то есть вероятностном режиме и могут обнаруживаться лишь в случае наблюдения необходимого количества массовых данных. Поэтому для анализа нелинейных связей должны существовать и находиться в распоряжении исследователей все массивы больших (Big Data) и открытых (Open Data) данных [Симчера, 2008: с. 32].

Совокупность линий (компонентов и их связей) горизонтального и вертикального обусловливания неаддитивной целостности составляет ее *мотивационный механизм*. Мотивационный механизм, отражающий сущность субъектов, обеспечивает материализацию компонентов их сознания, финализированных в мотивах. Это — ключ к пониманию характера, направленности социальной активности человека. В этом заключается его методологическое значение.

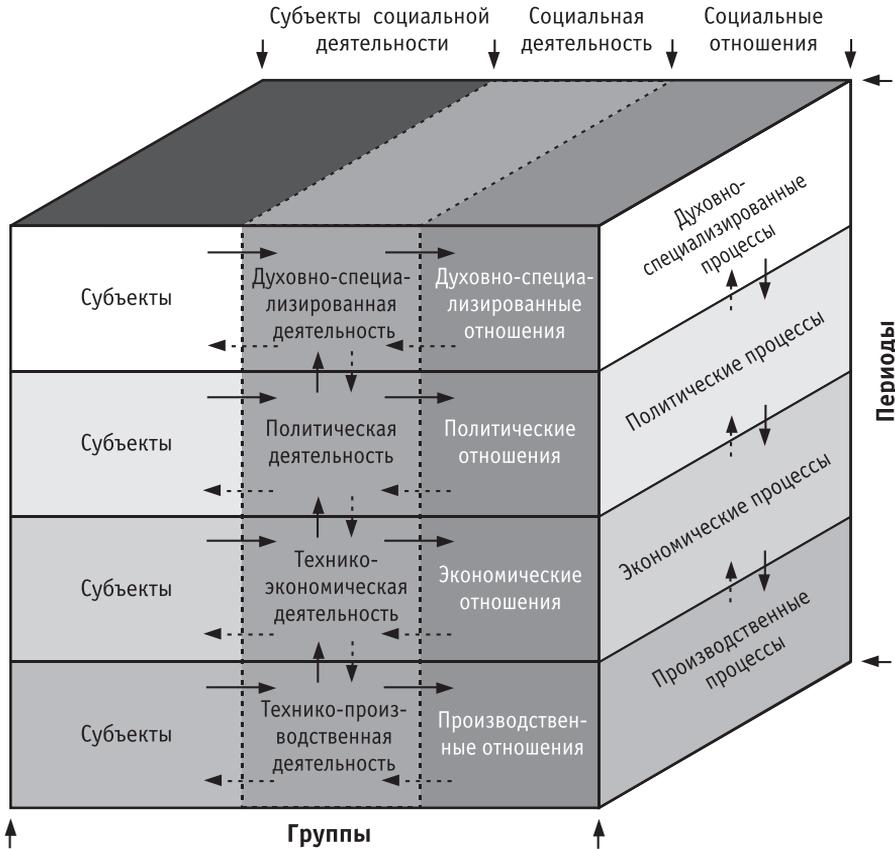
В своем динамическом измерении вербально-графическая модель неаддитивного общества имеет следующий вид (см. рис.). Неаддитивное качество через разрешение основного социального противоречия обеспечивает *динамику социальной системы* как в аспекте ее функционирования, так и в аспекте развития.

Ключевое значение в этом имеет *осознание субъектами необходимости определенных действий*, которые объективно приведут к повышению уровня неаддитивности общества. Именно это осознание служит *духовным источником существующих в неаддитивном обществе конфликтов*. Дело в том, что сознание человека состоит из двух частей. Одна — познавательно-преобразующая — направлена на изменение окружающей среды и самого человека. В этой части абсолютно доминирующими являются *рациональные образования*. Она развивается со все большим ускорением. Именно эта часть обеспечивает инновационное развитие человечества. Другая часть — консервативная — в значительной мере обусловлена биофизиологической природой человека. В ней преобладают *эмоционально-чувственные компоненты*. Этот блок сознания довольно статичен. Поэтому Р. Райт и квалифицирует человека как “моральное животное” (moral animal) [Wright, 2002: р. 8]. Эти две части сознания субъектов взаимодействуют, влияют друг на друга, однако консервативная часть носит “бастионный” характер и с трудом поддается изменениям.

Основным узлом всеобщего противоречия неаддитивного общества является конфликт между *эмоционально-чувственной* частью сознания субъек-

ектов и общественной практикой (социальной деятельностью индивидов и их социальными отношениями). Общественная практика, по сути, является объективированным сознанием — “джином, выпущенным из бутылки”.

Периодическая система социальных компонентов

Условные обозначения:

Периоды:

- Духовно-специализированная система
- Политическая система
- Экономическая система
- Техничко-производственная система

Группы:

- Субъекты (потребности, интересы, сознание)
- Социальная деятельность (орудия социальной деятельности)
- Социальные отношения (социальное равнодействие)

Рис. Модель неаддитивного общества (динамическое измерение)

Указанный конфликт реализуется через действие мотивационного механизма социальной активности субъектов. В истории человечества извест-

ны три типа мотивационного механизма. Первый, свойственный первобытному человеку, можно идентифицировать как *общинный*. Он был мало развит, поскольку в сознании индивидов почти полностью преобладали эмоционально-чувственные компоненты. Этот механизм обуславливал поведение членов общины, которое не намного отличалось от стадного существования животных. Второй, *индивидуалистический*, стал продуктом более зрелых социальных отношений, когда появились институты частной собственности и государства. Доминирующим мотивом этого механизма является получение пользы (в разных формах: материального богатства, власти, удовлетворения амбиций и т. п.). Этот тип мотивационного механизма наиболее удачно объединял эмоционально-чувственные (прежде всего природный эгоизм) и социальные (в частности, способность к регуляторности) начала сознания человека, эффективно обеспечивал реализацию его активности. Поэтому он превратился в мощный генератор развития общества. Третий тип мотивационного механизма, который, пожалуй, можно назвать *гиперсоциальным*, не был продуктом естественно-исторического развития, а оказался результатом имплементации абстрактной теоретической схемы организации общества в незрелые социальные условия, некоей попыткой преждевременных “социальных родов”. В основе этой схемы лежали, с одной стороны, отказ от индивидуализма, попытка его приглушения и искоренения, с другой — искусственное и форсированное обобществление в экономике (в отношениях собственности, хозяйствования), насаждение гипертрофированного коллективизма в других сферах общественной жизни, включая мораль. Иными словами, имела место преимущественно принудительная тотальная социализация ради достижения декларируемых высших ценностей — гуманности и справедливости.

Масштабные и во многом трагические политические эксперименты по имплементации этого механизма (в бывшем Советском Союзе, маоцзедунском Китае и на некоторых других социальных площадках) были в конечном счете отброшены обществом — отброшены, прежде всего, потому, что не отвечали ни необходимому уровню объективного неаддитивного развития общества, ни содержанию сознания его субъектов.

Ныне продолжает функционировать индивидуалистический, эгоцентрический по своей сути мотивационный механизм развития общества, который в значительной мере репродуцирует черты биофизиологического происхождения (скажем, патологическую алчность, которая, без сомнения, основывается на животном чувстве ненасытности). Этому всячески способствует современная информационно-коммуникационная система, обладающая невиданными ранее возможностями для манипуляции сознанием субъектов. Ради обеспечения максимальной выгоды любой ценой она влияет на легкодоступные и наиболее уязвимые чувственно-эмоциональные центры сознания человека. Отсюда культивирование гипертрофированного потребления, неограниченного сексуального удовлетворения, насилия и т. п. И наоборот, “раритетными” становятся такие социальные черты, как честь, достоинство, совесть и т. п. Это заставляет говорить об определенной *реинкарнации животного в современном человеке*.

Недаром впервые за полтора тысячелетия Папа Римский Бенедикт XVI расширил традиционный перечень смертных грехов человечества. Уже известные семь пороков человека: гордыня, жадность, зависть, гнев, лень, сла-

дострастие и ненасытность дополнены наиболее актуальными негативными чертами современных грешников, такими как контроль за рождаемостью, контрацепция, сомнительные с моральной точки зрения эксперименты над человеком, употребление наркотиков, загрязнение окружающей среды, рост имущественного неравенства, чрезмерное богатство и действия, ведущие к увеличению количества бедных [Список, 2008].

Между тем уровень неаддитивности социальной действительности неустанно возрастает. Как отмечал Д. Белл, “постиндустриальные тенденции ... усложняют общество и природу его социальной структуры” [Белл, 2004: с. six]. Можно предположить, что это возрастание происходит не в арифметической, а в геометрической прогрессии. Появляются отличные от традиционных, *атипичные* экономические и финансовые кризисы, а Европейский Союз вынужден вводить должность еврокомиссара по вопросам цифровой экономики [Schmidt, Cohen, 2013]. Ведутся необычные, “не по правилам” *гибридные* войны. Происходят невиданные раньше явления, когда за считанные часы через виртуальные социальные сети в единую силу организовываются сотни тысяч людей. Речь идет уже не только о системности отдельного общества, но и о все большей интегрированности, *взаимозависимости мирового общества* — о “мир-системе”.

Очевидна ситуация, когда неаддитивизация, *усложнение социальных отношений опережает социализацию сознания человека*. Это опережение неуклонно возрастает, формируя в неаддитивном обществе все более широкую зону турбулентности в виде *глобальных угроз и вызовов* человечеству [Keller, 2011]. В этих обстоятельствах апокалиптический сценарий, когда “перегрев” неаддитивного общества в определенном момент приводит к неконтролируемому социальному или физическому взрыву, вполне реален.

Есть ли основания прогнозировать альтернативный сценарий, сценарий поступательного и сбалансированного развития неаддитивной действительности? Есть, но его реализация станет возможной только при *условии трансформации действующего ныне мотивационного механизма корысти и накопления богатства в мотивационный механизм сохранения и совершенствования общества*.

Для этой трансформации должны произойти существенные изменения в структуре сознания человека, прежде всего изменения в соотношении его эмоционально-чувственного и рационально-социального начал в пользу последнего. При этом важно, чтобы сохранялся достаточный уровень мотивированности социальной активности человека. То есть речь идет о разрешении сверхсложной проблемы, связанной не только с *желанием* (готовностью) субъектов существенно меняться, но и с их *способностью* это сделать, оставаясь представителями вида “человек разумный”. Как известно, Э. Тоффлер видит эту проблему в заостренном ракурсе — ракурсе способности человеческой психики выдержать перегрузку социального ускорения, не натолкнувшись при этом на “шок от будущего” [Тоффлер, 2001].

Гипотетическое положительное решение этой проблемы возможно. Главной предпосылкой этого является высокий уровень неаддитивности современного общества (в отличие от времен, когда реализовывался гиперсоциальный мотивационный механизм). Есть *два возможных сценария* формирования нового мотивационного механизма развития неаддитивного общества.

Первый состоит в выработке и социальной имплементации под влиянием императива выживания *новой философии бытия человека*. В ее основе должно быть осознание роста системного единства мира, взаимозависимости личной судьбы каждого и судеб близких и далеких для него людей. Это осознание должно стать доминирующим мотивом поведения если не всех и каждого (зная природу человека, в это трудно поверить), то хотя бы позитивного критического большинства социума. Этот сценарий уже имеет свою историю. Достаточно вспомнить Гуманистические манифесты, исследования Римского клуба, оценки “группы мудрых”, созданной лидерами ЕС для анализа будущих вызовов и реагирования на них, и т. п. Разумеется, скорейшая реализация этого сценария была бы наиболее приемлемой. Но веских оснований для оптимизма как история [Harari, 2014], так и современность, к сожалению, пока не дают [Geiselberger, 2017]. Есть определенные футурологи-“циники”, утверждающие, что для восприятия этого сценария социум должен пройти шоковую терапию в виде какой-то военной или экологической катастрофы, которая окончательно убедит в необходимости радикальных изменений в организации мира.

Существует и *другой возможный сценарий* имплементации мотивационного механизма выживания человечества — эволюция человека в другой вид гоминоидов. Это предполагает, что люди и дальше будут развиваться на основе традиционного естественного отбора в течение миллионов лет, и “*homo sapiens*” постепенно трансформируется в один или несколько новых видов с радикально измененной структурой сознания и принципиально новым мотивационным механизмом. Однако возникает вопрос, сохранится ли при такой динамике угроз существованию человека сам субъект процесса... Быгуют и более радикальные видения возможных метаморфоз человека. В любом случае, *хочешь изменить мир — придется изменить человека*. Эта истина действительна с тех пор, как существует мир и человек. Но с особой убедительностью и остротой об этом свидетельствуют *нынешние*, неаддитивные времена.

Выше были изложены основы социально-системологической парадигмы, а сквозь их призму проанализирована сущность современного неаддитивного общества. Выдвинутые системологические идеи, по мнению автора, имеют не только теоретический вес, но и значительный социально-имплементационный потенциал. Отметим некоторые его аспекты.

Один из них — *мировоззренческий, практически-ориентационный*. Понимание природы и усиления роли неаддитивного качества в развитии современного общества, учет возможных негативных последствий ее игнорирования должны способствовать усилиям по развитию *адекватной современным вызовам социальной деятельности субъектов*. Это означает, например, что вместо инициирования не всегда целесообразных организационных и институциональных пертурбаций общества целесообразно создавать *эффективную систему формирования в сознании людей установок социально ответственного поведения*. Самое главное, необходимо достичь осознания того, что в современных условиях социуму нужны не паллиативные, а сущностные, радикальные изменения, касающиеся прежде всего сознания человека.

Еще один аспект важности системологической парадигмы — *познавательно-практический*. Социальная системология закладывает фундамент

для ускоренного создания прикладных системных разработок, а значит, для перевода социальных исследований из категории описательных (каковыми они сегодня преимущественно являются) в разряд практически необходимых. Скажем, с построением модели неаддитивного общества, определением его основного компонентного ряда создаются необходимые предпосылки для кардинального улучшения формализации социальной информации. В свое время В. Афанасьев отмечал: “Возможный путь к формализации — такой анализ текстов, когда разнообразие последних сводится к определенной совокупности (набору) содержательных элементов... Самое сложное в этой операции — найти элементы содержания, которые могут служить единицей учета” [Афанасьев, 2013: с. 254].

Формализация социальной информации крайне важна. Ведь в связи с усилением нелинейных социальных процессов одного лишь вербального их анализа не всегда достаточно. Сегодня во многих случаях необходимы цифровой инструментальный образ и модель общества, которые смогут максимально адекватно отразить многомерность и многофакторность его признаков [Симчера, 2008: с. 32–33]. Однако, и это следует подчеркнуть, корректная формализация социальной информации и, в частности, использование количественных методов возможны только на основе качественного анализа социального объекта.

Познавательное-практическое значение социальной системологии подтверждается результатами прикладных исследований, проведенных автором. Так, системологические принципы служили методологической базой при реализации нескольких международных проектов по Программе ENPI Европейского Союза. В частности, речь идет о разработке (с использованием количественных и качественных методов анализа) системы индексации и мониторинга социальных явлений [Ustych, 2013].

Выводы

Если подытожить изложенные выше соображения, можно прийти к определенным выводам.

1. Социальная системология является мощным орудием познания и преобразования социальной действительности.
2. Анализ развития системного, неаддитивного свойства общества служит ключом к пониманию его прошлого, современного и будущего. Из-за своих особенностей неаддитивное качество ныне не всегда поддается фиксации и измерению имеющимся научным инструментарием. Но если учесть неуклонное повышение возможности социального познания, то можно предположить, что это (тем или иным образом и в той или иной мере) можно будет сделать в недалеком будущем.
3. Методологические принципы социальной системологии обеспечивают адекватное отражение естественного, органичного единства весьма различных по своей природе факторов, влияющих на развитие общества — от субъектных до материально-вещевых. Это также позволяет построить статическую и динамическую модели макросоциальной системы.
4. Указанные модели способствуют сущностной идентификации объектов неаддитивного общества, отражению их параметров: координат со-

циального местонахождения, основных свойств, горизонтальных и вертикальных связей и т. п. Кроме того, при помощи этих моделей можно также выявлять и устранять “белые пятна”, восполнять бреши в теоретическом отражении социальной действительности, прогнозировать возникновение новых социальных образований.

5. Использование указанных принципов дает возможность также провести качественный анализ функционально-генетических и пространственно-временных характеристик неаддитивного общества, идентифицировать и исследовать его основное противоречие. Это, в свою очередь, создает предпосылки для использования количественных методов изучения многомерности и многофакторности его нелинейных свойств.
6. Генерируя адекватное знание о качественных особенностях и противоречиях неаддитивного общества, социальная системология может способствовать гармонизации его развития, эффективному прогнозированию сценариев будущего.

Бесспорно, проведенное исследование неаддитивной сущности современного общества в определенной мере схематично. Однако, по мнению автора, этого достаточно, чтобы убедиться в научной продуктивности и практическом значении изложенных в данном материале социально-системологических положений. Выражаясь фигурально, системологическое обследование современного общества подтверждает его тяжелую болезнь. Однако, в отличие от прочих диагностических подходов, социальная системология не только констатирует этот досадный факт, но также: 1) дает существенно уточненный диагноз болезни и 2) предлагает рекомендации по ее эффективному лечению. Теперь дело за больным — социумом, его желанием по-настоящему лечиться.

Источники

Афанасьев, В. Г. (2013). *Социальная информация и управление обществом* (2-е изд.). Москва: Издательская группа URSS.

Белл, Д. (2004). Предисловие к русскому изданию 1999 года. В: Д. Белл, *Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования* (с. lxxxv–cxliv). Москва: Academia.

Гвишиани, Д.М., Садовский, В.Н. (Ред.) (1980). Системные исследования. Методологические проблемы: Ежегодник 1979. Москва: Наука.

Гришин, А.Д., Никольский, Н.М. (1982). Системный анализ и диалог с ЭВМ в исследовании международных отношений: Некоторые вопросы теории и опыта. Москва: Международные отношения.

Иванова, А.И. (2015). Методология общественных наук: К постановке вопроса. *Universum: Общественные науки*, 10 (19). Отримано з: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2681>

Потемкин, В.К., Титаренко, Н.А. (1985). Методологические проблемы соотношения пространственных форм в обществе. В: *Роль методологии в развитии науки: Сборник статей*. Новосибирск: Наука.

Резник, Ю.М. (2003). Введение в социальную теорию: Социальная системология. Москва: Наука.

Симчера, В.М. (2008). *Методы многомерного анализа статистических данных*. Москва: Финансы и статистика.

Список смертных грехов обновили и расширили (2008, 10 марта). *Корреспондент.net*. Отримано з:

<https://korrespondent.net/world/400056-spisok-smertnyh-grehov-obnovili-i-rasshirili>

Тоффлер, Э. (2001). *Шок будущего*. Москва: АСТ.

Устич, С. (1992). Системне дослідження суспільства. Львів: Світ.

фон Бергаланфи, Л. (1969). Общая теория систем — обзор проблем и результатов. В: *Системные исследования: Ежегодник* (с. 30–54). Москва: Наука.

Geiselberger, H. (Hrsg.) (2017). *Die grosse Regression: Eine internationale Debatte uber die geistige Situation der Zeit*. Berlin: Suhrkamp.

Harari, Yu.N. (2014). *Sapiens: A brief history of humankind*. London: Harvill Secker.

Keller, J. (2011). Tri socialni svety: Socialni struktura postindustrialni spolecnosti. Praha: Sociologicke nakladatelstvi (SLON).

O'Connor, J., McDermott, I. (1997). *The art of systems thinking: Essential skills for creativity and problem solving*. New York, NY: Thorsons.

Pouvreau, D. (2014). The hermeneutical system of general systemology: Bertalanffian and other early contributions to its foundations and development. In: D.P. Arnold (Ed.), *Traditions of systems theory: Major figures and contemporary development* (pp. 84–136). New York, NY: Routledge.

Schmidt, E., Cohen, J. (2013). *The new digital age: Reshaping the future of people, nations and business*. New York, NY: Knopf Doubleday.

Scerri, E.R. (2011). The evolution of the periodic system. *Scientific American*, January 21. Retrieved from:

<http://www.scientificamerican.com/article/the-evolution-of-the-periodic-system>

Tainter, J.A. (1988). *The collapse of complex societies*. Cambridge: Cambridge University Press.

Ustych, S. (2015). *Systems theory of borders and transborder processes*. Saarbrucken: Scholars' Press.

Ustych, S. (2013). *The indexation and monitoring of the modern transborder processes*. Retrieved from: <https://www.statistics.gov.hk/wsc/STS096-P2-S.pdf>

Wright, R. (2002). *Moralni zovre: Proc jsme to, co jsme*. Praha: Nakladatelstvi Lidove novyny (NLN).

Получено 04.05.2020

References

Afanasiev, V.G. (2013). *Social information and societal governance* (2nd ed.). [In Russian]. Moscow: Editorial URSS. [= Афанасьев 2013]

Bell, D. (2004). Preface to the 1999 Russian edition. [In Russian]. In: D. Bell, *The coming of post-industrial society: A venture in social forecasting* (pp. LXXXV–CXLIV). Moscow: Academia. [= Белл 2004]

Geiselberger, H. (Hrsg.) (2017). *Die grosse Regression: Eine internationale Debatte uber die geistige Situation der Zeit*. Berlin: Suhrkamp.

Grishin, A.D., Nikolskii, N.M. (1982). Systemic analysis and dialogue with the electronic computing machine in international affairs research: Theory and experience. [In Russian]. Moscow: Mezhdunarodnyie otnosheniia. [= Гришин 1982]

Gvishiani, D.M., Sadovskii, V.N. (Eds.) (1980). *Methodological challenges of systems research: 1979 yearbook*. [In Russian]. Moscow: Nauka. [= Гвишиани 1980]

Harari, Yu.N. (2014). *Sapiens: A brief history of humankind*. London: Harvill Secker.

Ivanova, A.I. (2015). Methodology of social sciences: A statement of the problem. [In Russian]. *Universum: Social Sciences*, 10 (19). Retrieved from:

<http://7universum.com/ru/social/archive/item/2681> [= Иванова 2015]

Keller, J. (2011). *Three social worlds: The social structure of post-industrial society*. Praha: Sociologické nakladatelství (SLON).

O'Connor, J., McDermott, I. (1997). *The art of systems thinking: Essential skills for creativity and problem solving*. New York, NY: Thorsons.

Potiomkin, V.K., Titarenko, N.A. (1985). Methodological problems concerning the relationship between different spatial forms in society. [In Russian]. In: *The role of methodology in the development of science: Collected papers*. Novosibirsk, RF: Nauka. [= Потемкин 1985]

Pouvreau, D. (2014). The hermeneutical system of general systemology: Bertalanffy and other early contributions to its foundations and development. In: D.P. Arnold (Ed.), *Traditions of systems theory: Major figures and contemporary development* (pp. 84–136). New York, NY: Routledge.

Reznik, Yu.M. (2003). *Introduction to social theory: Social systemology*. [In Russian]. Moscow: Nauka. [= Резник 2003]

Schmidt, E., Cohen, J. (2013). *The new digital age: Reshaping the future of people, nations and business*. New York, NY: Knopf Doubleday.

Scerri, E.R. (2011, January 21). The evolution of the periodic system. *Scientific American*. Retrieved from:

<http://www.scientificamerican.com/article/the-evolution-of-the-periodic-system>

Simchera, V.M. (2008). *Methods for multidimensional data analysis*. [In Russian]. Moscow: Finansy i statistika. [= Симчера 2008]

Tainter, J. A. (1988). *The collapse of complex societies*. Cambridge: Cambridge University Press.

The list of deadly sins has been updated and expanded. (2008, March 10). *Korrespondent.net*. [In Russian]. Retrieved from

<https://korrespondent.net/world/400056-spisok-smertnyh-grehov-obnovili-i-rasshirili> [= Список 2008]

Toffler, A. (1970). *A Future Shock*. New York: Random House.

Ustych, S. (1992). *Researching society systemically*. [In Ukrainian]. Lviv: Svit. [= Устич 1992]

Ustych, S. (2015). *Systems theory of borders and transborder processes*. Saarbrücken, Germany: Scholars' Press.

Ustych, S. (2013). *The indexation and monitoring of the modern transborder processes*. Retrieved from: <https://www.statistics.gov.hk/wsc/STS096-P2-S.pdf>

von Bertalanffy, L. (1969). General system theory: A survey. [In Russian]. In: *Systems Research: Yearbook* (pp. 30–54). Moscow: Nauka. [= фон Бергаланфи 1969]

Wright, R. (2002). *The moral animal: Why we are, the way we are*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny (NLN).

Received 04.05.2020

СЕРГІЙ УСТИЧ

Неадитивне суспільство: системологічна парадигма

Стаття присвячена дослідженню методологічних засад соціальної системології. Подано тлумачення неадитивної якості як системоутворювального начала соціальної дійсності. Ідентифіковано загальну суперечність сучасного неадитивного суспільства, запропоновано його модель, описано механізм функціонування та розвитку. Проаналізовано імплементаційний потенціал пропонованих системологічних ідей.

Ключові слова: соціальна системологія, методологічні принципи, неадитивна якість суспільства, загальна суперечність, модель соціальної макросистеми, функціонування і розвиток, мотиваційний механізм, глобальні виклики і загрози

СЕРГЕЙ УСТИЧ

Неаддитивное общество: системологическая парадигма

Статья посвящена исследованию методологических основ социальной системологии. Представлено толкование неаддитивного качества как системообразующего начала социальной действительности. Идентифицировано общее противоречие современного неаддитивного общества, предложена его модель, описан механизм функционирования и развития. Проанализирован имплементационный потенциал предлагаемых системологических идей.

Ключевые слова: социальная системология, методологические принципы, неаддитивное качество общества, общее противоречие, модель социальной макросистемы, функционирование и развитие, мотивационный механизм, глобальные вызовы и угрозы

SERHII USTYCH

A non-additive society: The systemological paradigm

The paper examines the methodological underpinnings of social systemology. The quality of being non-additive is here construed as the systemic-in-character origin of social reality. The author points out the contradictory nature of present-day non-additive society, suggests a model for this type of society, and then outlines a mechanism through which it functions and develops. In addition, the implementation potential of suggested systemological ideas has been analysed.

Keywords: social systemology, methodological underpinnings, the quality of being non-additive (in regard to society), contradictory nature, a model for a social macrosystem, functioning and development, motivational mechanism, global threats and challenges